ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

И.Л. Андреев

НЕЛИНЕЙНАЯ ЛОГИСТИКА РОДСТВА: ПАРАДОКСЫ АФРИКАНСКИХ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. *Генеалогической скрепой африканского общества выступают внутри – и межпоколенческие отношения. Африканец шагает по ступеням традиционного бытия не в одиночку, а будучи прочно впрессованным в своё возрастное братство или сестринство, а также в обозначенное обычаем их место в общей структуре социума. При этом вертикальная связь «горизонтальных» возрастных группировок не означает игнорирования гендерного принципа дифференциации и архитектоники африканского социума. Последний вовсе не выглядит тривиально-унылой возрастной лестницей, хотя возраст, во многом обуславливает не только набор социальных функций, но и общественный статус индивида. Связи возрастных групп, осложнённые специфическими межвозрастными переходами, мало понятными европейскому менталитету, образуют специфическую пирамиду и до сих пор играют важную системообразующую роль. Выверенная эмпирическим опытом предков, такая модель жизнеустройства позволяет более гибко учитывать специфику гендерных и возрастных психофизиологических особенностей членов этно-племенной общности. Она опирается на физиологически обусловленную активизацию в разном возрасте тех или иных отделов головного мозга, и в связи с возрастными социальными статусами делит локальный социум на две примерно равные части. Одну из них составляют взрослые, трудоспособные и половозрелые индивиды. Другую – дети и старики, нуждающиеся в поддержке и опеке с их стороны. Исходя из такой антропологической диспозиции, многие проблемы и парадоксы африканского социума выглядят иначе, нежели при безоговорочном рассмотрении в качестве его психологического фундамента только противоречия между полами или только между возрастными когортами сверстников. Одно, впрочем, не исключает другого. Однако, пространственно-временные поля этих отношений и связей во многом различаются и потому не могут совпадать по определению. Соотношение факторов возраста и пола в организации первичного социума и его современных архаических форм – предмет научной дискуссии, в связи с чем автор высказывает точку зрения, подчас не совпадающую с мнением уважаемых коллег.*

Ключевые слова: *африканский социум, традиция, возраст, пол, возрастные классы, межвозрастные связи, сын, дочь, отец, прародители.*

Abstract. *Intra- and intergenerational relations are the geneological ties inside African society. An African person walks through the stages of traditional existence not alone by as the part of his/her age-specific brotherhood or sisterhood and according to their specific role in the society. Noteworthy that the vertical links betwen 'horizontal' age groups do not necessarily mean ingoration of the gender differentiation and African society structure. The latter is not jut a trivial age-related ladder even though it should be admitted that in many ways age determines social functions and social status of an individual. In the African society connections between age groups are complicated with the intergenerational links and are difficult-to-understand by the European mentality. These connections create a specific pyramid and continue to play a systemically important role. Testified by the empirical experience of their ancestors, this model of social life allows to be more flexible when taking into account gender and age-specific psychophysiological features of members of ethnic tribes. This model is based on physiological activization of particular parts of the brain at a certain age and divides the local society into two equal parts depending on different age-related statuses of the members. One part is represented by mature individuals capable of working. The other part consists of children and elderly people who need support and care. Based on such anthropological disposition, many problems and paradoxes of African society look different if not viewed from the point of view of psychological differences between sexes and age groups. However, the one does not exclude the other. The spatiotemporal fields of these relationships and connections vary and therefore do not always coincide. The correlation between such factors as age and gender and its role in the primitive society and modern archaic forms of the primitive society are the subject matter for scientific discussion. This is one of the reasons why the author of the present article presents the point of view which may differ from the opinions of his respected colleagues.*

Key words: *son, inter-age relations, age classes, gender, tradition, age, African society, daughter, father, grand-parents.*

© NOTA BENE (ООО «НБ-Медиа») www.nbpublish.com

DOI: 10.7256/2070-8955.2016.1.18197

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

«Возвращение» взрослого сына или: Внук «становится» сыном

– Сэм, ты говорил, что у тебя семеро детей. Но я вижу только двух очаровательных крошек. Где же остальные? Почему они не встречают твоего гостя? Разве ты и Сьюзи не хотите показать главное для африканцев сокровище своему далёкому другу?

– *«Эти – самые маленькие. Они ещё не могут обойтись без мамы и её молока. Те, что немного подросли, – в детской хижине среди сверстников. Двое других, постарше, находятся сейчас в подростковых лагерях (мальчики и девочки – отдельно) длительной специальной подготовки к очень важной для них и всех нас церемонии инициации. Самый старший... Кстати, вот и он собственной персоной. Знакомься: Кофи, что значит «родившийся в пятницу». Он совсем недавно вернулся в родной дом. Почти 12 лет Кофи был...* – как бы лучше выразиться в ваших понятиях? – *социальным «сыном» моего отца и двоюродного дяди по материнской линии, а также их сильно поредевшего от времени, но не утратившего былой сплочённости и спайки «старшего» возрастного братства. Теперь, слава Богу, он опять стал моим, уже взрослым, сыном!*

– Прости, но, у меня впечатление, будто ты что-то не то говоришь. Или разыгрываешь доверчивого гостя? Словом, я просто ничего не понимаю. Если он – твой сын и внук твоих отца и дяди, то это на всю жизнь?! На Руси издавна говорили: «родителей не выбирают!». Он что, сбежал от тебя к деду, потому что ты был с ребёнком несправедливо строг или не уделял ему по занятости достаточного внимания? И наконец, по аналогии с известным библейским сюжетом (прости: я не хочу задеть ничьих религиозных чувств), произошло чудо – возвращение блудного сына? Как это можно: родиться и расти сыном, потом превратиться во внука, чтобы затем опять «вернуться» в сыновья?

– *Такое у вас в Европе трудно себе представить, а наша традиция и древняя система воспитания держатся на этих принципах уже не одну тысячу лет. Ни католичество, ни ислам не смогли вытравить давний обычай.*

– А что он даёт? Зачем он нужен сегодня? Ведь жизнь изменилась...

– *Не всё, что меняется, к лучшему. А старая традиция обеспечивает детям приспособленность к нашим условиям за счёт усвоения опыта предков, скрупулезно и бережно передаваемого из поколения в поколение. Во-вторых, по-своему гарантирует целостность сообщества, дружбу сверстников, а также дедов и внуков с детьми и родителями. В-третьих, даёт психическую и физическую закалку. Как учат наши предки: лучшее знание то, что ведёт человека к другим людям. Убедил?*

Я глубоко задумался. Случай оказался явно неординарным. Скажем, у папуасов и некоторых аборигенов островов южных морей старый дед, не способный обеспечить себе достойное существование, становился как бы дополнительным «сыном» своего старшего сына, то есть, строго говоря, своим же «внуком». Здесь основой родства является не зачатие, не рождение, не воспитание, а кормление. Кто предоставляет другому еду, тот – старший социальный родственник, «отец». Пользующийся пищей, добытой другими, котируется как дитя. Дед у папуасов в социальном смысле обретает статус собственного внука [1; 2].

Иначе дело обстоит в Тропической Африке: побывавший в роли внука, повзрослевший юноша после многолетнего перерыва вновь становится после прохождения обряда инициации – теперь уже полноценным и полноправным – сыном родного отца!

Бывая в африканской глубинке, я часто испытывал смутное зрительное ощущение явного непорядка в семейной структуре по сравнению с привычной, отечественной. Будто чего-то не хватает, словно зияют в ней какие-то провалы и бреши. Вместе с родителями, в основном матерями, видишь множество либо совсем маленьких детей лет до 6-7, либо уже повзрослевших, обзаведшихся или готовых обзавестись собственным семейством, словом, половозрелых. Или наоборот, встречаешь группу сверстников, но вблизи – никого из взрослых.

Оказалось, что дети в течение 10-12 лет фактически оторваны от родителей. Их главными воспитателями и учителями-наставниками становятся прародители. Эта традиция имеет важный психологический смысл. Она разъединяет смежные поколения, образуя между ними искусственный разрыв. Он охватывает как раз период, когда младшие больше всего склонны к непредсказуемому поведению и поисковой активности, а молодым родителям не хватает терпения и мудрости в оценке поведения детей и его деликатной корректировке.

В архаических обществах конфликты чаще всего случаются между смежными поколениями. Американский африканист Колин Тернбул сделал любопытный и неожиданный для нашего миропредставления вывод: *«Если существует враждебность людей смежных поколений (отца и сына), то между людьми, отделенными друг от друга целым поколением (дед и внук), наоборот, сохраняются отношения тёплой привязанности. Юноша знает, что отец может подвергнуть его наказанию, но ему это не нравится, и он ищет сочувствия у деда. Это не означает, что отец и сын не любят друг*

© NOTA BENE (ООО «НБ-Медиа») www.nbpublish.com

DOI: 10.7256/2070-8955.2016.1.18197

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

друга. Просто существует неприязнь, объясняющаяся тем, что один из них неизбежно заставляет другого думать о старости и смерти» [3, с. 60]. Возможно, именно с этим связан обычай, согласно которому африканские родители нередко отдают своих чад на воспитание в семью дяди по линии матери, где главными педагогами выступают двоюродные дедушки и бабушки.

Спрашиваю: «Зачем?» – Отвечают: *«Затем, чтобы чересчур любвеобильные мама и папа не избаловали, не изнежили или, наоборот, не «затюкали» своих детей. Чтобы успешнее и надежнее научить их всему необходимому для уважаемого члена традиционного общества. Чтобы дети усвоили с малых лет и на всю жизнь замысловатую структуру и в принципе безбрежные рамки африканского родства. Чтобы учились истинному коллективизму в кругу сверстников, побратимов по возрастному классу. Чтобы сызмальства умели ценить и уважать старших. Чтобы не отвлекали родителей, дядьёв и тёток от тех обязанностей и прав, которые им предписывает их возрастной статус».*

Так что, согласно логике традиционного африканского общества, внук со временем всё-таки становится полноценным сыном собственного отца. Данный парадокс, тонко схватывая подвижный характер генеалогического времени, кажется бессмыслицей вне дихотомической дифференциации этносоциума или племени. На ту его часть, которая является половозрелой и трудоспособной, то есть воспроизводящей родоплеменную общность в демографическом смысле и в отношениях с окружающей средой, и на ту, которая в этих видах деятельности ещё или уже активно не участвует, а потому выступает, главным образом, потребительской когортой.

В свете продуктивной концепции психологии субъектности индивида, предложенной отечественным психологом В.А. Петровским, общение внутри каждого из этих блоков традиционно-архаического социума есть не что иное, как «производство индивидами их общего, что предполагает достижение обоюдной идеальной представленности взаимодействующих сторон (в отличие от коммуникации, которая может иметь чисто инструментальный характер)» [4, с. 32]. Это касается различных аспектов традиционного бытия: будь то целенаправленное созидание будущего на выросшем из прошлого фундаменте символов, традиций и обычаев, или же предметная совместная деятельность индивидов, творящих и сознающих смысл собственного бытия. Правда, у африканцев, сохранивших черты архаического образа жизни, в отличие от схематики В.А. Петровского, индивидуальность и отчасти субъектность носят ещё сильную инерцию некогда психологически всепоглощающей человека коллективной «*мы-мости*», по удачному выражению председателя Ассоциации африканских исследований США, профессора Висконсинского университета Кроуфорда Янга [5]. За психологическим «поселением» соплеменников и друзей на мысленном «планшете» сознания (по В.А. Лефевру) индивида стоит в основном традиция. И вновь найденного друга африканец хочет прежде всего «уплеменить». В массовом сознании Запада «пропуск» в душу человека открывает индивидуальная избирательная воля, обычно связанная с понятиями полезности и интереса. В славянском мире – то, и другое, с явным пока что перевесом личной симпатии к желанному участнику субъект субъектного общения.

Африканский «*мир без часов*» [6; 7], за пределами интимно-гендерных связей особенно сближает старшее поколение и малышей. В отношении стариков и детей вопрос ясен. Период беспомощно-паразитарного существования ребенка и целенаправленной подготовки его к самостоятельной жизни биологически гораздо продолжительнее, нежели у детенышей животных и по мере развертывания цивилизационного времени имеет явную тенденцию удлинения за счёт такого важного биологического фактора, как конвергенция больших полушарий головного мозга. С этим связана не только инерция увеличения продолжительности жизни, но и возрастание потребности подрастающих детей в маломощных, с точки зрения упадка физических сил, пожилых людях, доживающих в атмосфере уважения и почтения своё, так сказать, стариковское время. В традиционном, как правило, бесписьменном обществе на них ложится весьма ответственная и чрезвычайно важная информационно-интеллектуальная функция совокупной памяти коллектива. Она реализуется посредством вербализации в рамках устной традиции житейского опыта их сверстников и общих предков, а также путём воспитания и отчасти обучения подрастающего поколения. Таким образом, срединная по возрасту часть общества (за исключением певцов – сказителей, называемых в Западной Африке гриотами, и моложавых вождей) от подобного рода педагогической деятельности освобождается, получая возможность не отвлекаться от занятий, непосредственно связанных с обеспечением жизнеспособности мини-социума, и его биологического воспроизводства на фундаменте кровнородственных и функционально-корпоративных отношений. Крайности сходятся. Дети и старики реально кристаллизуются в специфическую дуально-воз-

© NOTA BENE (ООО «НБ-Медиа») www.nbpublish.com

DOI: 10.7256/2070-8955.2016.1.18197

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

растную композицию, выстроенную по принципу диалектического единства противоположностей. Она оказывается объективно оппозиционной по отношению к взрослой, но ещё не старой части общества, продуцирующей основные средства потребления и производства, а также обеспечивающей биологическое воспроизводство социума путём деторождения.

В таком смысле образ эскалатора, хотя и явно принадлежит эпохе индустриальной цивилизации, удачно схватывает моменты очень отчётливого вступления на «ленту жизни» (рождение) и схождение с неё (смерть) как универсальные, оставляя различные конкретные варианты дифференцировки самого жизненного времени (цикла) на откуп традициям и обстоятельствам, социальным и индивидуальным. В этом смысле этносы Тропической Африки дают хрестоматийный пример генеалогической и иной жизнедеятельности общества, движущегося по кругу, ситуативно изменяющегося, но при этом остающегося в принципе тем же, что образно отметил в нестареющем афоризме мудрый Гераклит.

Что значит «жениться на внучке»?

Когда судьба заносит в иную цивилизацию, особенно если речь идёт о так называемых «природных обществах», сплошь и рядом натыкаешься на обычаи и фразы, поначалу кажущиеся несуразицей. Твой устав в этом «монастыре» никто и знать не хочет. А здешний написан на непонятном социально-психологическом языке. Тем не менее, люди здесь живут и умеют радоваться жизни. Кстати, вникая в другое мировосприятие, начинаешь лучше понимать себя. Вот и случай, о котором хочу поведать, многому меня научил и на кое-что подвигнул взглянуть другими глазами, как бы из глубины Истории.

Разбираясь в запутанных (для европейца!) лабиринтах родственной и матримониальной лексики, я оказался в логическом тупике, вспоминая известную русскую пословицу: чем дальше в лес – тем больше дров.

...Когда мои давние африканские друзья-ровесники, седые солидные джентльмены, отнюдь не похожие на сексуальных маньяков, вдруг вполне спокойно, будто речь шла о чем-то совершенно обыденном, каждодневном, заговорили в моем присутствии о «женитьбе на внучке», я буквально похолодел от возмущения и отвращения. Интеллигентные люди, и вдруг – о, ужас! – откровенно циничное, ничем не прикрытое тяготение к кровосмесительству в его, пожалуй, самой вульгарной и даже криминальной форме?!

«Ну и семейка», – подумал я. И, конечно, вслух в предельно резкой форме, не стесняясь в выражениях (они учились в России и знали русский язык), сказал всё, что я по этому поводу думал, словом, выразил своё отношение к столь гнусной форме инцеста, неведомого даже человекоподобным приматам.

В ответ – дружный, заливистый смех, реплики насчёт того, что, мол, не зная броду, не суйся в воду. В смысле: не разбираясь в тонкостях неведомого языка, не берись подслушивать чужие разговоры, а тем более столь бестактно и прямолинейно их комментировать. Далее последовала ссылка на удивительно неудачные переводы на европейские языки местных выражений, касающихся весьма сложной и запутанной африканской терминологии родства, свойства и связанных с ними отношений брака и наследования. *«Вы склонны всё переводить дословно, а понимать буквально!»*

– А что, разве, если в тексте речь идёт о внучке, в переводе следует говорить о бабушке? – парировал я.

– Дело не в терминах родства, а в глаголе. Здесь речь идёт, действительно, о будущем замужестве внучки, которое любящий дедушка хочет гарантировать материально. Слов не хватает всё это объяснить досконально, в тонкостях. Да, ты всё равно не поймёшь. Для этого надо родиться африканцем. Или прожить среди нас всю жизнь. Как твой соотечественник Миклухо-Маклай среди папуасов. Или француз Марсель Гриоль. Он даже прошёл мучительный обряд инициации, чтобы понять духовную жизнь загадочных догонов Мали [8, p. 54].

Действительно, в языках целого ряда племён, живущих на стыке границ Анголы, обоих Конго и Замбии, встречаются словосочетания, кажущиеся европейцу немыслимыми. Как, например, буквально перевести специальный глагол «*рождать внука*»? Ведь он сосуществует с нормальным словосочетанием «*рождать сына (дочь)*»?

Я уже рассказал, как словосочетание «брак на внучке» вогнало меня в ужас кровосмесительства и инцеста! На самом деле за ним стоит всего лишь традиция активного участия деда в судьбе внучки, предусматривающая за ней право распорядиться имуществом деда (обычно по линии матери), чаще всего после его смерти. Кстати, аналогичный институт был известен древним грекам, рассматривавшим его как своего рода отрыжку материнского счёта родства и получившим название эпиклериата.

Словом, в отличие от обычной смены поколений, в наследовании как форме передачи имущественных прав могут быть заранее оговорены социально обусловленные пропуски. Например,

© NOTA BENE (ООО «НБ-Медиа») www.nbpublish.com

DOI: 10.7256/2070-8955.2016.1.18197

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

имущество деда (как и его имя) переходит к его внучкам и внукам, минуя родителей (дочь, в частности). Здесь заключена определённая гарантия завещанного предками способа использования имущества, нажитого стариками, и защита его от своеволия детей и особенно их супругов, пришедших из других кланов. В условиях господства патриархального счёта родства именно внучка остаётся наиболее уязвимым членом семьи, когда встаёт вопрос о её праве самостоятельного (а не навязанного родителями) выбора мужа и решении связанных с этим материальных проблем. Она ведь может полюбить неимущего. А для деда главное в такой ситуации уберечь их обоих от неведомого прежде социального зла – вопиющей бедности.

Фольклор суахилийских племен Кении, Уганды и Танзании ярко высветил её безжалостный лик.

Бедность – неподходящая доля
для смертного существа.
Она людей превращает в животных,
чья пища – одна трава.
Бедность несправедлива. Случится она с тобой –
Будь ты и знатного рода, ты беспомощен
перед судьбой.

Патриарх российской африканистики Дмитрий Алексеевич Ольдерогге, работавший в блокадном Ленинграде над докторской диссертацией о системах родства в Африке, первым выяснил, что словосочетание «брак на внучке» имеет параллельный смысловой перевод. Он его обозначил так: «моя вещь – внучка» [9, с. 16].

Впрочем, не исключено, что более точным явилось бы выражение: *«мою вещь – внучке!»*. Тогда смысл обычая может выглядеть следующим образом: «внучку, как мою собственность и воспитанницу», желаю «присоединить» к остальным моим «вещам», или «вещи мои прошу передать (присоединить к) внучке в её полное распоряжение». А поскольку наиболее типичным поводом «смены» собственника вещей является в традиционном африканском обществе заключение брака, постольку в ход мог пойти глагол, буквально означающий женитьбу как наиболее значительный в жизни африканцев акт смены социального статуса.

По традиции африканский дедушка, живущий в джунглях или в саванне, выступает по отношению к окружающим его природе и людям как труженик и собственник одновременно. Сравниваю с собой. Живём на одной планете в одно и то же время. Я, гражданин государства, стремящегося стать цивилизованным, всюду натыкаюсь на запреты, созданные индустриализацией и усугублённые непостижимой для меня приватизацией. Мой современник-африканец на малой своей родине всюду видит принадлежащие ему, как члену племени, предметы и дары природы и естественной задачей считает умелое собирание и эффективное использование их. В круге его представлений взаимосвязь человека с экологической средой выступает как отношение пассивно «дающей» щедрой природы и активно «берущего» человека.

Традиционную формулу эстафеты общей племенной земли и отличия от неё собственности на то, что создано руками конкретного человека, неплохо иллюстрирует фольклорная песенка народа тонга, населяющего Замбию, Зимбабве и Мозамбик. Она представляет собой ритуальное обращение к родоначальнику соплеменников к мудрому, могучему и доброму Змею, хозяину Леса.

О Момбо-ва-Ндлофу, праотец наших племён!
Наша земля твоею была,
Ты сыну – Макунджу –землю отдал.
Сыну Хати землю оставил он.
О Момбо, первый среди равных;
Ныне правит нашей страной
Праправнука твоего правнук.

Далее следует индивидуализированная часть языческой молитвы.

Видишь, Момбо, вот он – я!
И тебе я молюсь, о праотец-Змей –
Нет прекрасней молитвы моей!
Я пришёл к тебе – посмотри, –
Я пришёл и принёс дары.
А ты деревья мне подари –
Пальму, чтобы построить дом,
И какой-нибудь толстый ствол,
Чтобы выдолбить прочный челн.
Пусть рухнет дерево на краю болот,
И пусть лесоруба оно не убьёт.

В африканском сознании земля рассматривается как праматерь всего живого, воплощение неистребимого жизненного начала. Африканцу трудно себе представить её приватизацию и тем более продажу. Ведь предки и потомки не простят такого кощунства. Нередко находящиеся на грани вымирания от голода бушмены даже за очень большие для них деньги наотрез отказываются разрешить сафари на своей племенной земле в практически безжизненной, но родной пустыне Калахари. Кто же позволит топтать прах предков и тревожить их духов, которым предстоит со временем вернуться к земной жизни?!

© NOTA BENE (ООО «НБ-Медиа») www.nbpublish.com

DOI: 10.7256/2070-8955.2016.1.18197

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Теперь, надеюсь, понятно, почему дед, собираясь уходить обратно в землю, стремится передать то, что создано им во время земной жизни, самой земле. Символом и знаком родной почвы выступает внучка, носитель нового начала племени и источник продолжения старой, но славной родословной. В Африке матриархат ещё живуч внутри сменивших его патриархальных структур. Отчество у целого ряда племён не вытеснило из обихода находящегося на его задворках «матчества», упоминания рода матери. Мне вспоминается оригинальная мысль Ролана Быкова, одного из самых тонких знатоков отечественного и мирового фольклора. Змей из русских сказок зовется Горынычем потому, что его мать Горына. Да, и какой истинный отец может быть у вылупившихся из анонимных яиц, совершенно неразличимых маленьких змеёнышей, тем более, что он готов полакомиться ими, стоит матери ослабить бдительность? И когда богатырь вызывает Змея Горыныча на бой, оговаривая заранее, что он должен проходить честно и по правилам, то выясняется, что это невозможно в принципе. Потому что «правила» у людей и змей совершенно разные, несовместимые и несопоставимые. Как патриархат и матриархат! Может быть, это и есть древнейший, пришедший из эпохи неолита пример мышления в жанре «двойных стандартов» – головная боль современных политиков и политологов?!

По мере увеличения доли активно взятого у природы над пассивно отданным ею самой «добровольно» всё более чётко фиксируется их возрастающее отличие друг от друга. Общей, священной и неделимой остаётся собственность на девственную землю и естественные водоёмы, объекты охоты и рыболовства, пограничные леса и кладбища. Она скукоживается и сжимается, будто мифологическая шагреневая кожа. Её теснит семейно-индивидуальная собственность на плоды рук человеческих. К ним обычно относятся деревья, кусты, иная растительность, скот, птица, другие домашние животные, хижины, загоны для скота, торговый лоток и навес, ремесленный и сельскохозяйственный инвентарь, утварь, одежда, украшения, ритуальное снаряжение. Это – сфера верховенства деда, главы большой семьи. Из рукотворных изделий и преобразованных человеком предметов природы составляется будущее приданое внучки.

Оно обычно включает в себя крупный и мелкий скот, орудия женского труда и утварь домашнего быта. Они «уходят» вместе с внучкой в семью и племя её мужа, но право на ключевые, жизнеобеспечивающие природные ресурсы клана внучки муж и его родня принципиально не имеют, так как умершие сособственники у них разные. А выяснить их отношение к такого рода пересмотру структуры общего достояния практически невозможно даже с помощью колдуна. Да, и лучше не беспокоить по столь банальному поводу уважаемых предков и их духов. Словом, приданое внучки, как и выкуп, вносимый за невесту внуком, если присмотреться, являются одновременно откупом от возможных притязаний на общее с предками и потомками природное «имущество» рода-племени. Дед его сохраняет, а внучке для поддержания имиджа её и всей семьи передаёт то, что создано им самим и его ближайшими родственниками собственными руками.

Есть ещё один психологический момент, который закреплён в этом обычае родственной связи через поколение. Отношения отцов и детей сложны не только в России, что акцентировал Иван Сергеевич Тургенев, но и в Африке, однако по-иному. Там родители, согласно обычаю, с детьми почти не общаются с тех пор, как малыши уходят в детскую деревню, и до той поры, пока они не завершат инициацию, означающую обретение ими статуса взрослых, аналогичного родительскому. Другое дело – внучата, которые в течение всего этого периода находятся на попечении бабушек и дедушек. Общение рождает отношение. Кроме того, в Африке считается, что довольно сухие, по нашим меркам, контакты детей и родителей обусловлены тем, что вырастающие дети невольно намекают отцу и матери о надвигающейся старости и незаметном приближении смерти. А деды и бабки с этим уже, как правило, давно смирились, и спокойно ждут своего часа, щедро даря сохранившееся душевное тепло ненаглядным внучатам, к тому же нередко носящим их имена. В этом смысле внучка, весьма возможно, напоминает дедушке даже именем своим юную бабушку. И тем самым собственную молодость. А главное – эта «новая» будущая бабушка ближе в родственном плане дедушке, в отличие от старой, чужекровной.

Согласно архаическим представлениям, внучка ему заведомо роднее бабушки. Дух крови и дух спермы обоих родов объединились во внучке. Их синтез будет вновь и вновь воспроизводиться в будущих прадедушках и прабабушках до бесконечности. На этом стоял, стоит и будет стоять африканский традиционный мир, созданный великими и мудрыми первопредками. Здесь, конечно, незаметно никаких психоаналитических изысков, аналогичных европейскому эдипову комплексу. Просто патриарх в странах Тропической Африки, как человек волевой и умудренный жизненным опытом, по традиции должен заботиться в первую очередь о малых и слабых. Его естественными союзниками выступают дядья внучки, сыновья деда, а также единокровные братья и сыновья внучки-

© NOTA BENE (ООО «НБ-Медиа») www.nbpublish.com

DOI: 10.7256/2070-8955.2016.1.18197

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

ной матери. Щекотливые нюансы в отношения дедушки и внучки порою вносит одно нередкое в архаическом обществе обстоятельство. При общем благожелательно-родственном отношении ко всем детям рода-племени, как своим, всё-таки имеет место неприязнь, а то и прямая вражда между женами одного мужчины и его детьми от разных матерей. Она напоминает сюжеты поведения мачехи по отношению к родным дочкам и бедной падчерице в русских народных сказках.

Африканское многоженство, даже будучи органическим элементом традиционного образа жизни, всё-таки не может вытеснить ревности как оборотной стороны любви и женской гордости. Когда-то давным-давно местные «амазонки» предпочитали, возможно, делить между собой лучших, с точки зрения воспроизводства потомства, мужчин. Одновременно, оберегая святые для них принципы матриархата, они, может быть, старались не допускать излишней концентрации мужчин в своём сообществе. Но времена переменились. Мужчины взяли власть в свои руки, хотя их численность уступает количеству соплеменниц-женщин. В Африке, как и в России, их соотношение 47 : 53.

Тема злой мачехи у племён, населяющих переполненные сиротами многострадальные Руанду и Бурунди, звучит особенно щемяще:

«Тише, тише, мой малыш,
Не отдам тебя, не бойся,
В руки мачехи твоей.
Мачеха такая злая –
За сухими за дровами
Может в самый дождь послать...
Она тебя будет водой поить,
Когда все коровы отца твоего
С выменем полным вернутся домой».

Как же защититься от козней мачехи? Защитниками обездоленных или находящихся в опасности малышей выступают прародители.

К бабушке я тебя отнесу,
Если на нас враги нападут.
Тише, любовь моя, тише,
Спи, несмышлёнка моя.
Бабушка – мама всех наших детишек,
Мама твоя и моя.

Дедушка как глава большой семьи и «начальник» бабушки в таких случаях выступает в роли сурового, но справедливого отца-арбитра. Для него все внучата любимы и равно достойны одинаковых шансов на счастье в этой казавшейся поначалу длинной-предлинной, а на самом деле такой быстротечной земной жизни. Пусть внучка станет любимой женой достойного мужчины. Дедушка сделает для этого абсолютно всё, что он ещё может сделать. А потом, уйдя в другой мир и став духом, уже «оттуда» будет радоваться их счастью и помогать преодолевать неизбежные, к сожалению, жизненные невзгоды.

Таков благородный житейский смысл древнего африканского обычая, буквальный перевод словесной формулы которого долго сбивал с толку незадачливых европейских учёных. Стыдно признаться, но и меня в их числе.

Впрочем, особую тягу к прародителям проявляют дети не только в Африке. Помню, внук Саша в двухлетнем возрасте одну из первых сложных фраз посвятил именно бабушке. Перед началом детского обеда мама спросила бабушку, положить ли ей салат, а, получив утвердительный ответ, отвлеклась проблемным кормлением двойняшек (Саши и его сестры Насти) и, видимо, забыла о «салатном» диалоге. По завершении обеда Настя убежала по своим делам, а Саша продолжал сидеть за столиком, надувшись (набычавшись) и всем своим видом выказывая недовольство. На вопрос мамы: «В чём дело?», он угрюмо процедил: «Она хотела, а ей не дали!». Вот какой заступник у бабушки! Другой эпизод, напротив, связан с поиском у неё сочувствия. Трёхлетняя Настя, уловив в телевизионном выступлении правозащитницы Людмилы Алексеевой кусок фразы о правах человека, прижалась к бабушке и горько посетовала: «У меня нет никаких прав. Папа шлёпает, мама шлёпает. Ну, никаких прав нет у маленьких людей!». Саша развернул другой аспект затронутой проблемы: «Шлепать детей нельзя, потому что попа – это часть человека». И хотя Настя возразила, что «человек – целый, у него нет частей», вместе они твёрдо уверовали в существование, помимо воплощённых в материальных документах водительских «прав», конституционного права гражданина защищать своё человеческое достоинство даже перед лицом родительского недовольства. Характерно, что в качестве адвокатов и своих правозащитников в таких ситуациях дети призывают именно дедушек и бабушек.

«Жена» вдовы и дети « Духа»

«Чрево делает человека благородным»
(Пословица сенегальского племени серер)

– Какие очаровательные у тебя дети и, видимо, прекрасный муж. Он так трогательно заботится о них и о тебе, не сводит со всех вас своих

© NOTA BENE (ООО «НБ-Медиа») www.nbpublish.com

DOI: 10.7256/2070-8955.2016.1.18197

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

откровенно влюблённых глаз. Ты счастлива, конечно?! Сознавайся, – обратился я к своей давней знакомой – африканке, случайно встретившись с её семейством погожим воскресным днем в провинциальном недорогом кафе.

Мой, казалось бы, такой невинный и вполне дружелюбный вопрос, заданный в то время, когда её спутник вышел по каким-то своим делам из-за стола, неожиданно поверг молодую женщину в глубокое уныние. Будто раскалённое добела экваториальное солнце мигом затянули тяжёлые плотные тучи, несущие безжалостный тропический ливень.

– Что случилось, Отина? Чем я мог тебя огорчить или обидеть? Мне очень приятно видеть тебя, такую красивую, умную и заботливую, в кругу твоей семьи, с детьми, число которых, судя по твоей фигуре, скоро вновь увеличится. Я искренне рад за тебя, за него, за них. Расскажи, очень прошу, что тебя не устраивает в этой ситуации? Может быть, я чего-то не знаю – не понимаю? Или есть какие-то проблемы, которые я могу помочь тебе решить?

Глубоко задумавшись, я стал мысленно перебирать варианты столь неадекватной реакции на вполне светскую реплику:

– Ты что, не любишь его? Он не ценит тебя и плохо к тебе относится? Или к детям, хотя они так явно похожи на отца, больше, чем на мать, но ведь среди мужчин есть безумные ревнивцы?

– *Нет, нет. В этом смысле всё – лучше некуда!*

– Тогда, в чём же дело? Почему ты так переменилась в лице? Откуда и зачем столько грусти? Объясни мне, пожалуйста, насколько это возможно!

– *Как-нибудь потом. Не сейчас и не здесь,* – с трудом выдавила из себя Отина сквозь незвано навернувшиеся слезы.

Я был крайне смущён и заинтригован одновременно. Интуиция учёного почти безошибочно подсказывала, что я невольно затронул какую-то тщательно охраняемую от чужого любопытства и очень важную для этих людей тайну. Не будучи сторонником выпытывания чужих секретов, я тем не менее почувствовал за всем происшедшим тень какой-то неведомой мне загадки архаического образа жизни, наполненного обычаями и ритуалами традиционного менталитета, непонятными нам, европейцам, а потому экзотическими, а для африканцев – обыденными и не всегда приятными.

Прошло ещё несколько минут становившегося неприличным тягостного молчания. Наконец, Одинго вернулся к столу. Отина уже пришла в себя, вернее, дети как бы вернули её к повседневным делам и заботам. Самому младшему понадобилось вытереть нос, другой до самых ушей перемазался мороженым, третий старательно пытался откусить колесо у металлической машинки, которую я не очень осмотрительно подарил ему, и поцарапал щеку... Словом, всё как бы вернулось на круги своя, хотя уже не было прежней безмятежности относительно прохладного и беззаботного воскресного утра. В воздухе как бы повисла невидимая пелена невысказанной застарелой фантомной боли, отравляющей радость полнокровного сиюминутного бытия.

Неслышно, будто по воздуху, подошедший к столу Одинго с поистине сверхчеловеческой интуицией, невольно перенимаемой самыми опытными охотниками на крупных хищников от своих зоологических партнеров по опасно-азартной игре в жизнь и смерть, мгновенно уловил перемену эмоционального климата за столом, происшедшую в его отсутствие. И, не вдаваясь в расспросы и размышления по этому поводу, просто сообщил, что им пора уходить, что их ждут дела и друзья.

Чтобы хоть как-то снять напряжение, дать невольно растревоженным людям успокоиться, прийти в себя и нормально закончить воскресную трапезу, я быстро распрощался, вернулся к своему столу, оставил деньги в блюдечке со счётом и немедля удалился по делам, которых у меня в этот воскресный дел, как назло, не находилось. Мне было мучительно стыдно за собственную бестактность, но тогда я даже не представлял себе, сколь серьёзно расстроил этих милых и приятных мне людей. Всё прояснилось несколькими днями позже, когда по моему приглашению, переданному через наших общих знакомых, Отина и Одинго согласились, оставив детей на попечение подруги, вместе поужинать в гостинице, где я тогда остановился. Зная меня как учёного-африканиста и человека незлого, они сразу после моего молниеносного ухода из кафе поняли, что обидеть я их вовсе не хотел, поскольку совершенно не в курсе ситуации, которая их тяготила. Что я случайно и нечаянно прикоснулся к той боли, которая, чем дальше, тем больше, терзала по ночам их души.

– Так в чем же дело? – теряя терпение и приличия, настаивал я, когда мы закончили светский обмен любезностями. – Если это – секрет, я твёрдо обещаю его сохранить. Если конфликт с кем-то, попробую помочь уладить. Если нарушение обычая, постараюсь найти ему ритуальный противовес. Если нужна моя помощь, можете на меня рассчитывать в пределах моих способностей и возможностей, – тем более что в этой стране я был тогда седьмой раз.

– *Ни то, ни другое, ни третье, хотя...*, – начал было Одинго, но Отина его прервала, что нечасто случается в африканских разговорах:

© NOTA BENE (ООО «НБ-Медиа») www.nbpublish.com

DOI: 10.7256/2070-8955.2016.1.18197

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

– Мы оба – жертвы древнего обычая, но жертвы в кавычках, так как, хотя мы соединены извне, другим человеком, действовавшим в своих интересах, но нашу волю и взаимную симпатию тоже учли, и мы любим друг друга и детей. Ты сам это увидел и сказал нам в виде комплимента. Но от твоей искренности ещё больнее. Теперь, поскольку ты явно не понимаешь, о чём идёт речь, словом, не в курсе этого, слава Богу, всё более редкого обычая, держись, как у нас говорят, за баобаб, словом, приготовься к самому нелепому и неожиданному для тебя и, может быть, для твоей книжной науки.

Она перевела дыхание, взглянула в глаза Одинго и решительно, будто прыгая жарким днём в холодную воду, выпалила самое заветное и запретное:

– С точки зрения формальной, Одинго мне – не муж. Он – друг, любовник, в лучшем случае – гражданский, по взаимному согласию, сожитель. К тому же, хотя наши дети рождены по принципу «двое – в одном», то есть, в каждом из них соединены именно наши тела и души, Одинго не является формально их отцом, а я – матерью. Моим «законным» мужем считается одна богатая женщина, занимающаяся торговлей овощами и фруктами, бездетная вдова Вамбуи Кената, заплатившая моему клану положенный по обычаю щедрый выкуп в виде быка, нескольких коров, овец, коз, ассегаев, калебасов.

Согласно древней традиции, после трагической гибели её супруга старейшины моего клана за хороший выкуп и в знак поддержания дружеских отношений с соседями, особенно не размышляя, отдали меня ей в «жены» для рождения наследника. Но сам знаешь, женщины, даже если их собрать всех вместе со всей Африки, наследника родить всё равно не смогут ...без мужчины. Поэтому необходимого для этой цели «друга» вдова, опять же в соответствии с обычаем, нашла (не буду лукавить, не без моего согласия) в возрастной группе своего покойного супруга, среди его друзей-побратимов, проходивших вместе с ним годы детства, отрочества, юности и самое важное – церемонию инициации. Вдова оплатила и свою «свадьбу» со мной, а также – добрая душа – начало нашего сожительства с Одинго. По правде говоря, мы ведь давно приглянулись друг другу. Но маленьким бедным людям приходится строить свои отношения не всегда по собственной воле, а подчас по стихии складывающихся обстоятельств.

Чего стоило нам обоим, например, категорическое требование вдовы, кстати, не ею придуманное, а вполне соответствующее одному из древнейших наших обычаев, давно потерявшему своё значение и смысл, относительно присутствия при первом акте нашей близости четырёх свидетелей, которые должны были подтвердить мою непорочность и сам факт нашей интимной жизни. Неужели, боялась, что мы будем морочить ей голову, будто, несмотря на все наши старания, наследник никак, мол, не «получается»? Этого не понять умом, если не испытать в жизни. Впрочем, что я несу? Не дай бог, такое даже в дурном сне увидеть. Предки, конечно же, были мудры; в этом грех усомниться. Но ведь жизнь эти тысячелетия тоже не стояла на месте, как кажущаяся снизу незыблемой заснеженная вершина Килиманджаро.

Потерявшие смысл обычаи чем-то напоминают перезревшие орехи, опасно висящие высоко над самыми головами тех, кто легкомысленно расположился отдохнуть под шум океанского прибоя в зыбкой веерной тени щербатой кокосовой пальмы. Но людям подчас легче их формально выполнить, нежели рисковать недовольством предков, их духов, а ещё хуже – ссорой со старейшинами. И тем паче привлечь зловещее внимание тайного ритуального общества, следящего за тщательным и скрупулёзным выполнение всеми без исключения предписанных давно «ослепшим» обычаем церемоний.

Отина перевела дух, ещё раз посмотрела мне в глаза (насколько серьёзно я воспринял услышанное), благодарно пожала кисть руки Одинго, а затем безо всякого перехода вдруг затронула собственно больную тему социальной цены благородства бездетной вдовы и тягостных обязательств, наложенных на них с Одинго в связи с таким, поистине странным «браком».

– Ведь дети, рождённые в нашем союзе, считаются детьми «духа», иными словами, покойного мужа вдовы, трагически погибшего в схватке с леопардом-людоедом, терроризировавшим деревню, где он родился. И его же наследниками. Так клан мужа позаботился об «удержании» стад, имущества, оружия, участка земли и детей покойного в своей орбите. Вдова же от его имени распоряжается судьбой детей, по крайней мере, вплоть до того времени, пока они вырастут и пройдут обряд инициации. Даже имена им даёт из своего реестра старейшины клана покойного охотника, особенно сыновьям.

– Как же так? – не понял я поначалу, – ты «жена» вдовы!? Значит, древний обычай, допускает насильственный, по сути дела, «брак» женщины с женщиной, хотя ни одна из них не является лесбиянкой?! Одинго – твой друг, что-то вроде бойфренда, нанятого вдовой на средства её покойного супруга для выполнения его мужских функций. А дети, зачатые, рождённые и воспитанные вами в любви и согласии, следуя допотопному обычному праву, принадлежат

© NOTA BENE (ООО «НБ-Медиа») www.nbpublish.com

DOI: 10.7256/2070-8955.2016.1.18197

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

человеку, умершему задолго до их зачатия. А состоятельная бездетная вдова – их опекунья и распорядительница их судьбой, по крайней мере, вплоть до достижения ими совершеннолетия. Словом, неведомая мне Вамбуи Кената своим «браком» с Отиной обеспечила неделимость и неприкосновенность от притязаний своей собственной, довольно алчной, даже по африканским понятиям, родни имущества покойного супруга?!

Все погрузились в молчаливое раздумье. Любовь, дети, имущество, обычаи предков – всё смешалось и запуталось в моей учёной голове. Собеседники это прекрасно чувствовали и тактично давали мне передышку для того, чтобы привести свои мысли хотя бы в относительный порядок.

– Как гласит любимая пословица великого Сенгора, именно чрево делает человека благородным. Значит, право материнства и в Африке священно, – решился я нарушить становившуюся неприличной тишину, – ведь твоя кровь, Отина, освящённая духом моджа (абусуа), течёт в жилах ваших детей. А дух спермы клана Одинго передал им черты лучших его предков. Неужели эти, воистину наиболее гуманистические и мудрые среди прочих традиционных представлений утратили свою силу и значение под натиском вестерн цивилизации, сделавшей некогда святое родство безропотным и раболепным «орудием» бездушной и зачастую безликой собственности!?

– И всё-таки обычай у нас, в Африке, подчас сильнее не только генетики, классической логики, но и просто житейского здравого смысла. Каково, думаешь, мне, нормальной, здоровой, как говорят у вас в России, бабе считаться женой женщины и рожать от любимого человека детей. К тому же их главное предназначение – обеспечить вдове и роду её покойного супруга право пользоваться его имуществом, а затем стать наследниками богатства мужчины, которого я никогда в жизни не видела и заведомо не увижу?!

– Но ведь, когда я встретил вас за столом всей дружной семьей, ожидающей пополнения, у меня было представление об идеальной картине человеческого счастья.

– Да, психологически и во всех других отношениях это, видимо, так и есть, если ... мы подчас забываем о некоторых традиционных формальностях, которые могут со временем резко вмешаться в нашу жизнь и даже разлучить кого-то из нас с остальными. Где хоть какая-то гарантия того, что вдова, либо старейшины общины покойного охотника, если с вдовой, не дай Бог, что-нибудь случится, не начнут навязывать свою волю нам, а ещё хуже – нашим детям, которых они рассматривают как своего рода имущество клана, часть наследства одного из его членов? Да и сама вдова, когда старший сын станет совершеннолетним и пройдёт церемонию инициации, предъявит на него свои права заботы о ней. И ещё: задумает выгодно (для себя или клана мужа, с которым она теперь срослась и экономически) женить его не на той, кого он сам выберет и полюбит, а на дочери вождя или другой такой же вдове...

Вернувшись с разламывающейся от противоречивых мыслей головой к себе в гостиницу, я прочёл в своде традиционного права народности кикуйя буквально следующее: *«Когда муж умирает, оставив бездетную вдову, уже неспособную к деторождению, вдова может взять жену. Вдова уплачивает выкуп семье избранной женщины и подыскивает для неё мужчину из возрастной группы её мужа. Дети, рождённые от такого брака, считаются детьми покойного мужа вдовы и самой вдовы»* [10, с. 82, 219].

Кстати, у ряда племён, родственных этнической группе кикуйю, такого рода изменение структуры традиционной семьи путём инкорпорации в неё молодой женщины – потенциальной роженицы и необходимого ей для рождения наследника мужчины, согласно обычному праву, возможно и при живом муже. Женщина, оказавшаяся в подобной ситуации (нередко в результате повреждения её гениталий во время инициации) или имеющая только дочерей, «может взять в жены девушку и уплатить за неё обычным путем брачные платы. Это может быть сделано при жизни мужа или после его смерти. Женщина избирает мужчину из рода её мужа для половых сношений с девушкой, и любые рождённые дети будут принадлежать женщине, которая уплатила выкуп».

В принципе выступить в роли организатора такого рода искусственной семьи может не обязательно вдова или замужняя женщина, не имеющая естественного наследника, но и просто свободная и богатая африканская особа, европейским аналогом которой условно можно считать сверхзанятую собственной карьерой бизнес-вумен, нанявшая другую женщину на роль суррогатной матери. Если она всего лишь не хочет изнурять свой организм беременностью и родами, но старается сохранить, помимо здоровья и фигуры, участок земли, отару скота, торговый лоток, хижину или дом, принадлежавшие её матери, сложным путём принятия на себя функций социального «отца» женского рода по отношению к рождённым по оплаченному ею «заказу» детям. Поскольку выкуп обычно выплачивается в основном животными, последних нередко называют «детьми скота». Причём в это словосочетание не вкладывается никакого обид-

© NOTA BENE (ООО «НБ-Медиа») www.nbpublish.com

DOI: 10.7256/2070-8955.2016.1.18197

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

ного или уничижительного смысла. Ибо дети есть дети, а скот – основное в саванновой и пустынной зонах средство существования людей и мерило социального престижа его владельца.

…Многое для меня прояснилось. Но вопросов возникло больше, чем ответов на прежние. Можно ли повернуть в нормальное русло такого рода «брак» путём, скажем, постепенного возмещения некогда уплаченного выкупа и прочих расходов, понесенных женщиной – социальным «мужем» и «отцом» в процессе организации такого рода традиционной семьи.

Резюмируя свои наблюдения и размышления о мало понятных житейскому сознанию европейцев парадоксах традиционных африканских систем родства и свойства, приведу яркий тому пример, зафиксированный в Мали самим патриархом отечественной африканистики, членом-корреспондентом АН СССР Дмитрием Алексеевичем Ольдерогге. «Африканские дети, – писал он, – подчас большее значение придают тому, чьи они внуки и племянники, нежели тому, кто их конкретные родители. При сильной инерции материнского счёта родства, – писал он, – «сын и отец *чужды* друг другу». Зато дядя со стороны матери настолько уверен в своей власти над племянником, что однажды (здесь Ольдерогге привёл доподлинно известный ему и весьма характерный для классического традиционного общества случай из реальной жизни) продал его собственному отцу мальчика за 20 покрывал, что стало предметом судебного разбирательства, кстати, выигранного дядей» [11, с. 41]. Кстати, судебная практика большинства стран Тропической Африки убедительно показывает, что прецеденты, основанные на традиционном праве «данного народа и территории», пока что, как правило, перевешивают юридическую аргументацию британского либо континентального законодательства, по моделям которых формируется в основном современные национальные кодексы большинства молодых независимых государств Африканского континента [12, с. 21].

© NOTA BENE (ООО «НБ-Медиа») www.nbpublish.com

Список литературы:

1. Бутинов Н.А. Детство в условиях общинно-родового строя // Этнография детства. М.: Восточная литература, 1992. С. 11.
2. Бутинов Н.А. Родство: Океанийская модель // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 1. СПб., 1995. С. 172-183.
3. Тернбул К.М. Человек в Африке. М.: Наука, 1981. С. 60.
4. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. С. 32.
5. Young C. Patterns of Social Conflict: State, Class & Ethnicity // Daedalus. 1982. № 2. P. 74, 85.
6. Андреев И.Л. Мозг, время, власть: эволюция виртуальной реальности в реальную виртуальность // Психология и психотехника. 2013. № 12(63). С. 23.
7. Андреев И.Л. Виртуальная реальность африканского времени // Психология и психотехника. 2014. № 4. С. 387-403. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.4/11424.
8. Griaule M. Methode de l'ethnographie. P., 1957. P. 54.
9. Ольдерогге Д.А. Эпигамия // Избранные статьи. М.: Наука, 1983. С. 16.
10. Синицына И.Е. Человек и семья в Африке. М.: Наука, 1989. С. 82, 219.
11. Ольдерогге Д.А. Типы домашней общины и матрилинейный род у народов Экваториальной Африки // Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975. С. 41.
12. Синицына И.Е. Кенийский прецедент // В мире обычая. М.: Наука, 1997. С. 21.

References (transliterated):

1. Butinov N.A. Detstvo v usloviyakh obshchinno-rodovogo stroya // Etnografiya detstva. M.: Vostochnaya literatura, 1992. S. 11.
2. Butinov N.A. Rodstvo: Okeaniiskaya model' // Algebra rodstva. Rodstvo. Sistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva. Vyp. 1. SPb., 1995. S. 172-183.
3. Ternbul K.M. Chelovek v Afrike. M.: Nauka, 1981. S. 60.
4. Petrovskii V.A. Lichnost' v psikhologii: paradigma sub''ektnosti. Rostov-na-Donu: Feniks, 1996. S. 32.
5. Young C. Patterns of Social Conflict: State, Class & Ethnicity // Daedalus. 1982. № 2. P. 74, 85.
6. Andreev I.L. Mozg, vremya, vlast': evolyutsiya virtual'noi real'nosti v real'nuyu virtual'nost' // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2013. № 12(63). S. 23.
7. Andreev I.L. Virtual'naya real'nost' afrikanskogo vremeni // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2014. № 4. S. 387-403. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.4/11424.
8. Griaule M. Methode de l'ethnographie. P., 1957. P. 54.
9. Ol'derogge D.A. Epigamiya // Izbrannye stat'i. M.: Nauka, 1983. S. 16.
10. Sinitsyna I.E. Chelovek i sem'ya v Afrike. M.: Nauka, 1989. S. 82, 219.
11. Ol'derogge D.A. Tipy domashnei obshchiny i matrilineinyi rod u narodov Ekvatorial'noi Afriki // Sotsial'naya organizatsiya narodov Azii i Afriki. M., 1975. S. 41.
12. Sinitsyna I.E. Keniiskii pretsedent // V mire obychaya. M.: Nauka, 1997. S. 21.

DOI: 10.7256/2070-8955.2016.1.18197

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна